

29 июня 1982 г. № 52 (5580)

НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР

ГОЛОС ПАМЯТИ

Они очень разные — повести Григория Бакланова «Навеки — девятнадцатилетние» и «Меньший среди братьев». С первых слов разные.

«Живые стояли у края вырытой траншеи, а он сидел внизу». Уже из этой скорбной фразы ясно, что безымянный «он» — один из тех, навеки девятнадцатилетних.

«В сущности, всю жизнь меня пре-педают долги», — на такой совершенно иной, брюзливо-недовольной интонации начинается другая повесть, герой которой покамест жив-здоров и вроде бы вполне благополучен, разве только обременен всякими ненужными делами и обязательствами.

Может быть, и в самом деле нет ровно ничего общего между этими повестями — разумеется, кроме авторской позиции, кроме особой пристальности писательского зрения, когда и мы, словно через какую-то дикийнунную стереотрубу, с мучительной ясностью видим то пылающую по фронтовой дорожке горбатую от ноши пехоту, то вдавленные в чернозем на поле недавнего боя клочья серого шинельного сукна.

Там — счет последним снарядам, которые бойцы лейтенанта Третьякова успевают послать до гибели батареи навстречу надвигающимся бронетранспортерам. Тут — бешеная, в нарушение всех правил, езда супруги героя, дабы он,

Илья Захарович, поспел на свидание с «нужным» человеком и поднял свои шансы в «скачках на приз», как иронически выразился его сын, — в борьбе за освобождающееся место умирающего декана. Каждому — свое...

И не ограничиться ли в поисках установления какого-то соотношения между этими повестями выводом, что в первой воспет героизм, а во второй обличено сытое мещанство, претендующее, что оно-то и есть соль земли? Ведь есть же в этой повести и упомянутая супруга Ильи Захаровича Кира, и энергичная их невестка Алла (когда ей «нужно что-либо, невозможного нет и нет таких крепостных ворот, которые сами в конце концов не распахнулись бы перед ней!»), и «зять Кузьмищевых, только что вернувшийся из-за океана» и сетующий на тамошнюю «ужасную бездуховность» («а сам-то, — по справедливой догадке героя, — дни считает, когда его снова отправят туда, опять будут платить не рублями, а презренными долларами»), и весьма выразительная галерея «ученых мужей» того факультета, где трудится и наш Илья Захарович!

Да почему бы и его самого, кстати, не зачислить в ту же категорию, благо, он уже не раз и не два закрыл глаза, уступил, промолчал, а то и поддалнул, спасовал, когда требо-

вался решительный шаг (например, соединить свою судьбу с любимой женщиной)? А сам заголовок повести — нет ли в нем готового приговора: меньший из братьев — только ли по возрасту? Вспомним, что средний геройски погиб в войну, а старший, хоть и не добился, никаких особых успехов, но прожил честную трудовую жизнь.

Однако что-то мешает столь запросто распорядиться участью героя, как этого чуть было не сделал один из персонажей первой повести, едва не подведя Володю Третьякова под военный трибунал.

Вспоминается, что в «Меньшем из братьев» Третьяков на миг возникает в воспоминаниях Ильи Захаровича, когда в тот самый, грозный для себя час делится с ним заветной мыслью, что «со временем может оказаться, что этой войны могло не быть»: «Ведь это не движением планет предопределено, это все мы, люди. Иначе зачем мы все, если от нас ничего не зависит?»

Третьяков не только воюет храбро (несколько раз видим мы его в тяжких обстоятельствах, и всегда он оказывается на высоте положения). Он и в будущее смело и трезво смотрит, не раз задумываясь и о своей вероятной участи, и об итогах своей коротенькой жизни. Неужели и о нем будет горестно сказано: «В девятна-

дцать лет успел только погибнуть»? Или все же, — думает он, — что-то остается, витает незримо, и придет час — отзовется в чьей-то душе?»

В атаку пехотинцы бегут «согнутые, будто пережатые болью». Но в час величайшей ответственности за судьбы Родины «душа разгибается в полный рост», как говорит сосед Третьякова по госпиталю капитан Атраковский: «Никогда еще от каждого из нас не зависело столько. Потому и победим. И это не забудется».

И не эта ли искорка взволнованной, пытливой мысли отзывается спустя столько лет в душе Ильи Захаровича, когда он трудится над своей книжкой о войне, о ее причинах, о возможности — и необходимости! — предотвращать подобные катастрофы?

Он жаловался на всякие долги. Но, в сущности, у него есть лишь этот один-единственный долг — не дать угаснуть озарившей его идее, наследнице мыслей Третьякова, Атраковского, да и многих других, донести ее до своих студентов, до читателей своей будущей книги, бережно выносив ее, «как оберегают от толчков ребенка».

И вот уже на какой-то стадии повествование о том, как ведет себя Илья Захарович, то радостно и самозабвенно отдающийся своей работе, то безмерно отдаляющийся от нее

под напором всяких «деловых» и «практических» сообщений, читаешь почти с таким же замиранием сердца, с каким следил ранее за Третьяковым, заставлявшим себя и своих бойцов аstatic под обстрелом и продвигаться вперед, еще вперед...

Нет, Григорий Бакланов не обещает нам счастливого конца и в этой истории. Глаза, которыми автор рассматривает своего героя, говоря его собственными словами, — «повидавшие», всякое повидавшие.

Повести «Навеки — девятнадцатилетние» предпослан эпиграф из стихов Сергея Орлова. И, может быть, поэтому история Ильи Захаровича, где «вдруг» вновь возник молодой лейтенант Третьяков, напомнила мне другие стихи этого поэта:

А земля огромна, фронт безмерен,
Лейтенант — песчинка
Среди огня.
Как он там в огне ревушем
Верит
В мирного, далекого меня!
...Надо встать, и синить
Полушубок
И нащупать дырки
на ремне.
Встать, пона еще
не смолкли трубы
В сердце, как в далекой
стороне.

Встать, чтобы устремиться в атаку («Иначе зачем мы все, если от нас ничего не зависит?»)!

Этот же несмолкающий, требовательный голос памяти, верности, долга звучит и со страниц новых повестей Григория Бакланова.

А. ТУРКОВ.